

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-1-4-35

УДК 130.2

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЦЕРКОВНОЙ КУЛЬТУРНО-АДАПТАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.А. Цыплаков, С.М. Цыплакова

Цель. Целью работы является рассмотрение актуальной темы трансформационных процессов в церковной культуре в современной России. Предмет исследования – процессы церковной культурно-адаптивной ситуации в современной России. Предмет исследования позволяет показать особенности культурной ситуации в современном обществе.

Метод или методология проведения работы. Базисом исследования стали феноменологический метод, аксиологический подход в культурно-диахроническом аспекте.

Результаты. В статье описан процесс восстановления церковных организационных структур в новых условиях 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в. и распространения активности Церкви в тех сферах, где эта активность не была представлена в период секуляризма. В статье исследуются новые ситуации, с которыми столкнулась Церковь в современной России в последние десятилетия. Это и взрывное неконтролируемое увеличение печатной продукции, и трансформация информационного пространства, вызовы со стороны иных религиозных течений и многое другое. Светское общество в России также находится в настоящее время в ситуации непростых взаимоотношений общества и религии, которая претендует на формирование общегуманитарной основы социальной морали для всего общества. Вместе с тем, на основе осознания потребности в таком фундировании традиционные религиозные объединения демонстрируют необходимые компетенции для формирования таких основ, но неясно, есть ли таковые в светской

культуре. В итоге констатируется, что в этой ситуации необходим культурный диалог.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере культурного прогнозирования.

Ключевые слова: Церковь, отечественная культура, православие, секуляризация, светское общество, ценности, светские институты, общество «имманентной рамки», постсекулярность

Для цитирования. Цыплаков Д.А., Цыплакова С.М. Трансформационные процессы церковной культурно-адаптационной ситуации в современной России // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 1. С. 4-35. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-1-4-35

TRANSFORMATIONAL PROCESSES IN THE CHURCH CULTURAL AND ADAPTATION SITUATION OF MODERN RUSSIA

D.A. Tsyplakov, S.M. Tsyplakova

Purpose. *The work consider the main issue the processes of transformation in church culture. The church adaptation situation in modern Russia is taken as a subject. The authors see necessity on this basis to reveal the features of cultural situation of modern society.*

Methodology. *The basis of the study is the phenomenological method, the axiological approach taken in the cultural-diachronic aspect.*

Results. *The results of the work are that the process of restoring church organizational structures in the new conditions of the 90s is described. The article explicates the new situations that the Church has faced in modern Russia in recent decades. This is an explosive uncontrolled transformation of the media space, challenges from other religious movements, and much more. Secular society in Russia is also currently in a situation of difficult relations between society and religion, which claims to form a general humanitarian basis for social morality for the whole society. At the same time, there is a need for such foundation, traditional religious associations have the necessary competencies to*

form such basis. The paper explicates the need of a cultural dialogue in this situation.

Practical implications. The results of the study can be applied in the sphere of cultural studies.

Keywords: Church, national culture, secularization, secular society, values, secular institutions, immanent frame society, post-secularity

For citation. Tsyplakov D.A., Tsyplakova S.M. Transformational Processes in the Church Cultural and Adaptation Situation of Modern Russia. *Russian Studies in Culture and Society*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 4-35. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-1-4-35

Введение

Специфика российской секуляризации требует осмысления не только в диахроническом аспекте, но и осмысления ее последствий в постсекулярной перспективе.

Российские религиоведение и культурология еще только начинают осмыслять результаты секуляризации, в то время как многие философы, социологи и теологи уже десятилетиями говорят о постсекулярном обществе [21, с. 242]. Между тем, именно всесторонний анализ культуры в контексте секуляризации дает возможность решения важных проблем современности, стоящих перед Церковью и обществом. Именно поэтому анализ динамики взаимодействия религиозных и светских субъектов в культурном пространстве России определяет актуальность настоящей статьи.

Методология и методы исследования

Предметная область, реализация цели и задач предпринимаемого исследования потребовали использования определенной методологической базы. Так, в системно-культурологическом подходе трансляция духовных ценностей закрепляется за культурой, а эти процессы понимаются как имеющие открытый характер со специфическими для процессов законами и аспектами. Данный метод исходит из изучения мира людей в контексте культурной матрицы. Системно-культурологический подход привел к возможности реализовать комплекс

исследовательских паттернов из многих сторон знания (философии, теории и истории культуры, филологии, теологии, синергетики) и изучить процессы секуляризации и постсекулярность в контексте системного подхода. Исследование трансформации современного общества предполагает сочетание диахронного и синхронного подходов, теоретической концептуализации, рассматривающей динамику современной культуры. П. Сорокин, разработавший теорию социокультурной динамики в рамках цивилизационного подхода, указывал на диалектический характер культур. Все это позволило говорить о специфике динамики процессов секуляризации в рамках постсекулярной культуры современной России. Различные культуры не только бытуют в своеобразных формах, но и обладают особыми параметрами динамики, детерминирующими их адаптационный потенциал. Так, аспекты культуры, определившие жизнь народа в рамках специфической природно-ландшафтной обусловленности, – суть, по Ф. Броделю, «время большой длительности», и предполагают тысячелетия исторического развития. Рассмотренная в настоящем исследовании тема охватывает последние десятилетия культурной трансформации, определяемой столетиями диахронических изменений.

Основная часть

Церковь в условиях светского общества. В церковной среде воцерковленных верующих и священнослужителей возникает запрос на формирование новой концепции светского государства, свободного от наследия секуляризма XX века. В этой концепции светскость может быть осознана не как безрелигиозность, но как пространство аксиологического выбора. Соответственно, в статье будет уделено внимание процессу восстановления церковных организационных структур в новых условиях 90-х гг. XX в. – первых десятилетий XXI в., соответствующих новым постсекулярным культурным реалиям. Восстановление организационных структур Церкви является наиболее последовательным и очевидным полем для развития в условиях окончания советского секуляризма.

Можно наметить несколько направлений, в которых происходили и в дальнейшем могут происходить изменения:

- креация релевантной приходской среды;
- фандрайзинг в области обеспечения инфраструктуры;
- трансформация образовательных подходов;
- адаптация в рамках модели церковно-государственных связей;
- диалог с секулярными кругами и взаимообмен информацией.

В контексте адаптационных процессов хотелось бы привести цитату из книги М. В. Ромма: «...установленная ориентация адаптационных векторов не только во многом определяла содержание глобальной конфронтации демократической и тоталитарной социально-политических систем в XX веке, но и до сих пор продолжает воздействовать на характер и специфику процессов адаптации личности в пост-тоталитарную эпоху» [14, с. 187]. Это, на наш взгляд, верно и для контемпорального бытия Церкви, транслирующей ценности в культурном поле смыслов современности. Адаптация была намечена на информационном поле: властная вертикаль перестала дефинитно определять поток информации, что повлекло ситуацию, когда актуальность и релевантность информационных потоков в области церковной миссий следовало регулировать исходя из внутренних нужд. Для Русской Православной Церкви эта ситуация возникла впервые за столетия, так как с Синодального периода Церковь была интегрирована во властную вертикаль и цензурировала выпуск духовной литературы от имени власти. В СССР, в свою очередь, даже те немногие издания, которые разрешалось публиковать, должны были быть прочитаны не главлитом, а представителями Совета по делам религий. В 90-е годы XX века в церковных книжных магазинах и лавках и в обычных книжных магазинах появилось множество религиозной литературы, позиционировавшейся как «православная литература». Но номенклатура изданий перестала эффективно контролироваться. Первичный поток представлял собой так называемые «репринты» дореволюционных изданий, большинство из которых в свое время прошли официальную синодальную цензуру. Однако одновременно появилась масса так называемой «околоправослав-

ной» литературы, часто с маргинальным и политическим уклоном, без авторства, не отражающей традиционную церковную культуру. Эти издания с точки зрения богословия можно было бы охарактеризовать как «апокрифические».

Осознание нового положения повлекло за собой поиск стратегий контроля над ситуацией; поиск этих стратегий продолжается и в настоящее время: информационные порталы, журналы популярного характера, телеканалы «Спас» и «Союз» отражают новую информационную систему, которая, однако, замкнута на внутрицерковную аудиторию. Синодальным информационным отделом и Синодальным отделом религиозного образования и катехизации создаются формы регистрации и цензурирования печатных изданий и электронных СМИ, которые создавали бы корректное, с точки зрения священноначалия, информационное пространство. В 2015 г. предпринята попытка создания православной социальной сети «Елицы» (<https://elitsy.ru/>), декларирующей создание пространства «живого общения тех, кто выбирает путь православного осмысления жизни», и ряд других проектов разной степени успешности в медийном пространстве. Проект в целом оказался проектом «нишевого» уровня, собрав группу приверженцев, но не став по-настоящему массовым. Это, с одной стороны, отражает реальную распространенность «воцерковленности», недостаточной для создания развитой «субкультуры», а с другой, показывает, что даже «воцерковленные» не стремятся к замкнутости в «субкультуру», но открыты светскому обществу и культуре.

Тем не менее, и в настоящее время так называемая «околоправославная» литература и интернет продолжают существовать, создавая своеобразный «буфер» между светской и «воцерковленной» аудиторией. Делаются попытки преодолеть замыкание внутри определенной (так называемой «воцерковленной») части социума в виде создания православных общественных каналов («Спас», «Союз»), журнала «Фома» и некоторых других проектов.

Светское общество в России, очевидно, находится с нулевых годов XXI столетия по настоящее время в ситуации определенной культурной конфронтации с Церковью. Но могут ли секулярные круги

самостоятельно создавать разделяемые всем обществом культурные ценности, особенно в морально-этическом аспекте? В данном вопросе возникает одна из причин (по всей вероятности) непростых аспектов взаимоотношений Церкви и секулярных кругов в современной России. Стремление к ценностному базису видно отчетливо, есть запрос на традиционность. И у традиционных конфессий есть возможность ответить на эту потребность, но общепризнанного базиса в этом плане не просматривается у секулярных кругов. В прошлом фиксировался поиск персоналий уровня М. Ганди или Д. Лихачева, которые могли бы предоставить очевидные маяки для секулярного аксиологирования. При этом утверждалось, что сравнимых персоналий не выявлено. Так, можно привести характерную цитату из выступления А. Венедиктова («Особое мнение», передача от 8 июля 2015 г.): «Когда мы говорили: вот, в стране нет лидеров, моральных авторитетов после смерти Дмитрия Сергеевича Лихачева, Александра Исаевича Солженицына — по-разному — «поговорить не с кем...». То есть светским обществом эта ситуация вербализуется как ситуация отсутствия моральных авторитетов, хотя в данной конкретной передаче А. Венедиктов полемизирует с этой точкой зрения. Идейные «противники православия» в достаточной степени замкнуты на аудиторию убежденных противников Церкви.

При этом концентрация светскости на основе ценностей эпохи Просвещения, как например «письмо 10 академиков», выявило определенную доминанту [11]. Это продуцировало ситуацию, когда секулярное общество фиксировало запрос на конституирование аутентичной общественной субъектности. В сухом остатке, на базисе секулярной индивидуалистической субъектности в наши дни появляется ситуация, при которой в контексте контемпоральных смыслов объединяются субъекты, вступающие в латентный или эксплицитный конфликт с традиционными конфессиями и, прежде всего, с Русской Православной Церковью. В итоге интеракции Церкви и светского общества становятся нерегулярными по причине лакуны в субъектности, когда не наблюдаются этические ориентиры в секулярных кругах современной России. Следует констатировать, что диалог,

аналогичный диалогу между Бенедиктом XVI и Ю. Хабермасом, в современной России по разным причинам все еще не состоялся.

Потребность в диалоге возникала на фоне обвинений в «клерикализации». Озабоченность вызывало появление капелланов в армии, священников в школе. В связи с этим Церковь искала и находила новые средства участия Церкви в общественной жизни.

Это, в частности, активность мирян в различных формах, то есть Церковь действует через активных мирян, через ассоциации и благотворительные структуры. Профессиональное духовенство в настоящее время не рассматривается как единственно приемлемая форма существования церковных структур. Характерным примером является назначение 24 декабря 2015 года председателем Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата доцента кафедры международной журналистики МГИМО МИД России В. Р. Легойды. За время его руководства деятельность отдела расширилась не только в публичной сфере, но и в сети Интернет.

Сама деятельность духовенства, в ряде случаев сместившаяся к требоисполнительству, вызывает вопросы. В связи с этим можно вспомнить характерный пример, когда правозащитник Алексей Конев подал иск в Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга о ненадлежаще выполненной услуге по отпеванию усопших [2]. В иске, как и апелляции, было отказано: суд не считал отпевание усопших «предоставлением услуги». Как пример усилий, направленных на разрешение этого вопроса, можно вспомнить призыв Патриарха Алексия II, который в 2005 г. призвал духовенство на Епархиальном совете Москвы убрать «ценники» из храмов [10]. Можно вспомнить и усилия епархиальных архиереев по расширению активности духовенства, в том числе на социальную сферу и сферу публичной проповеди, в частности, среди молодежи.

Православие: репрезентация и самоидентификация

Специфическим вопросом, с нашей точки зрения, становится то, что принадлежность к церковности зачастую рассматривается ювенальными кругами как «ярлычковый» аспект продуцирования нацио-

нального самосознания. Эта ситуация протягивается с нулевых годов. Так, полловые опросы 2008 года показывали, что конфессионально определялись 71,2% молодежи в России. Из них каждый второй себя назвал православным или христианином, 4,9% респондентов отнесли себя к мусульманам, другие религии исповедуют лишь 1% молодежи. Но при этом всего 3,5% молодежи соблюдают посты, 9,4% респондентов причащаются и исповедуются не менее одного раза в год. Эти исследования подтверждаются опросом, проведенным в НГТУ на факультете гуманитарного образования в феврале 2011 г. Данные 2017 г. из опроса ФОМ давали следующую картину: в целом по Российской Федерации в возрастной группе от 18 до 30 лет 66 % верующих (из них 54% – православные по самоидентификации) [8]. Таким образом, в целом цифры релевантно отражают ситуацию. По какой причине контемпоральные ювенальные слои нашей страны по преимуществу самоопределяются как православные или представители других традиционных конфессий, однако зачастую далеки от их аксиологического базиса? Возможны разные ответы, которые дают такие отечественные исследователи различия культурологической идентификации и религиозности как Бондаренко О. В., Леонова М. С., Юрасов И. А., Павлова О. А. Это различие регулярно фиксируют опросы. Так, опрос ВЦИОМ, опубликованный 19.10.2022, показал, что молодежь (18-34 лет (59-45%) считает, что РПЦ слишком активна в жизни общества. То есть, с одной стороны, идентифицируя себя русским, молодой человек считает себя православным, но зачастую ни сам активно не участвует в жизни православия, ни считает для православия необходимым влиять на жизнь общества. Православность и его ценности он соотносит некоторым историческим аспектом. В этом случае представители ювенальных поколений, определяя себя православными, могут и не транслировать в свой жизненный опыт соответствующий аксиологический и этический базис.

Одни из последних опросов, проведенных в 2019 году, показал, что православных верующих в России примерно 65%, мусульман – не больше 7%, представители других христианских конфессий, в том числе католики и протестанты составляют 1%, а к иным рели-

гиозным традициям себя также причисляет 1% населения. При этом 21% опрошенных не считают себя верующими, а 5% респондентов затруднились с ответом. Опрос проведен Фондом «общественное мнение». Результаты были приведены в публикации М. Фаустовой «В России недосчитались верующих» [20].

Надо понимать, что сама по себе религиозная самоидентификация не дает устойчивого мировоззрения. Так, от болгар часто можно услышать на вопрос «почему вы православный?» ответ: «ну я же не турок». На таком примере можно видеть, что идентификация себя как православного есть скорее желание «привязать» себя к определенной культурной традиции, нежели признавать, разделять, исполнять традиционные ценности православия.

Самоидентификация как самосознание довольно сильно зависит от мировосприятия, а мировосприятие подразумевает наличие этического сознания. Базовой интенцией этического сознания личности является собственно конституирование самоидентификации. Пробелы в оценочном компоненте самоидентификации приводят к тому, что ювенальное поколение не разделяет этических констант прошлого. При этом самоидентификация в области веры конституирует интенции трансформации в пространстве выбранного пространства идей, но сам по себе выбор этих идей есть свободный выбор личности.

Показательным для ярлычковой самоидентификации может быть ювенальное явление, когда молодые люди посещают религиозные места в период сдачи экзаменов или другие подобные периоды (в разных регионах это зависит от культурных традиций), что является для индивидов не только моментом самоидентификации, но и принятием на себя конкретных мотиваций. В этом случае индивид позже неизбежно сталкивается с мировоззренческим выбором: вести ли себя далее соответственно религиозным заповедям или не ориентироваться на них. В данном случае на этом этапе религиозность может ограничиться приходом в храм. Данная дескрипция не претендует на полноту, но требует внимания, поскольку существуют случаи, когда религиозная самоидентификация преобразуется в девиантную аксиологичность, сформированную в рамках экстремизма [4].

Мы считаем, что основы данного положения вещей кроются в том, что религиозность – трудно формируемый и определяемый аспект внутреннего мира. Заметим, что А.В. Посадский, говоря о вере российской молодежи, утверждает: «Поиск религиозных смыслов молодыми россиянами часто противоречив и непоследователен. Их восприятие религиозного мира подчас характеризуется синкретизмом и эклектикой. Тем не менее, встречающаяся фрагментарность религиозного мышления, отсутствие логической согласованности его элементов никоим образом не способны заслонить искренности и глубины духовного поиска. Этот поиск предельно индивидуализирован, связан с самостоятельным и творческим конструированием религиозной картины мира» [12]. Именно поэтому в бифуркационной ситуации и «ярмарки религиозности» представителям ювенального поколения сложно сформировать аксиологический базис, в особенности в связи с религиями, перечисленными в преамбуле ФЗ РФ о свободе совести и религиозных объединениях от 1997 г., поскольку данная основа базируется на глубинной ответственности, дефицитными обязательствами к окружающим, обществу и Родине. Мы видим, как подчеркивается в преамбуле, исторические религии не используют ложные формы миссионерства, а тоталитарные секты, различные девиантные организации подают свои убеждения в привлекательном виде, заманивая разрешением всех насущных вопросов. Что, собственно, и продуцирует настоящие проблемы в сфере межэтнических и ценностных взаимоотношений. Народное самосознание, в отсутствие традиционных ценностей, может нести опасность экстремизма.

В 2023 г. среди студентов заочного отделения Института культуры и молодежной политики Новосибирского государственного педагогического университета было проведено анкетирование на выяснение вопросов, связанных с отношением к религии. Были заданы в следующие вопросы: «Чем для Вас является вера в Бога?»; «Какое место занимают религиозные вопросы в Вашей жизни?»; «Посещаете ли Вы регулярно религиозные собрания?»; «Считаете ли Вы важным следовать нравственным требованиям Вашей кон-

фессии?»; «Знакомились ли Вы с вероучительными положениями конфессии, к которой вы принадлежите?»; «Будете ли Вы учить своих детей основным вероучительным положениям Вашей конфессии?». Подавляющее большинство молодых людей заявило о себе как православных, один респондент – как агностик, один как приверженец New Age. Но никто из респондентов не посещает регулярно храм, знания о вероучении и нравственных требованиях конфессии ограничиваются «10 заповедями». Практически никто не собирается в обязательном порядке знакомить с вероучением своих будущих детей, нравственные требования конфессии также (по их мнению) соблюдаются нестрого. При этом, по мнению опрошенных, религиозные вопросы занимают в их жизни достаточное место, либо в некоторых случаях это место осознанно указано как «небольшое».

Вот почему возникает реальная задача для церковных структур: формирование реальной воцерковленности через религиозное образование и миссию в духовной сфере общества. В ином случае Церковь, будучи не включена в светскую культуру, может не помочь преодолеть соблазны экстремизма, не оказать содействие в духовных запросах. Данный опрос двух десятков респондентов, большинство из которых городские жители из одного региона не претендует на широкое информативное значение, но является весьма показательным для понимания лакун современного взаимодействия Церкви и общества.

Трансформация адаптационных стратегий

Представляется, что для решения этой задачи могут быть приняты различные адаптационные стратегии. Так, при включении духовного образования служителей религиозного персонала в общегосударственное образование интеграция может стать более тесной. Появится возможность для религиозного персонала занимать определенные позиции в секулярной среде, при этом совмещая это со служением на приходе с небольшим количеством прихожан. Пока что такие примеры носят единичный характер, но в зарубежных малочисленных приходах Московского Патриархата эта практика

распространена в большей степени. В этом случае священнослужители в большей степени воспринимают свой сан как служение, а не как профессию.

Адаптация священнослужителей в государственной образовательной системе имеет и внутрицерковный запрос. В каноническом праве православной Церкви содержатся положения, в соответствии с которыми священнослужитель может быть отстранен от священнослужения, запрещен в нем не только по причине морально-этических проступков, но и в связи с повторным браком или в связи с тем, что священнослужитель невольно стал причиной тяжкого несчастного случая. Ряд таких случаев произошел в последние десятилетия, и часть из них получила освещение в СМИ. Навыки и квалификация профессиональной деятельности, не связанной с совершением служб, дают возможность бывшим священнослужителям найти себе профессию или участвовать в церковном служении мирян. В случае усиления лаической (здесь «лаики» понимается как синоним «мирян») активности происходит «парошизация» (иногда говорят «парохизация») современных приходов, то есть такая их активизация, при которой они становятся не только административными единицами, но и центрами церковно-просветительского, благотворительного и других форм служения мирян в Церкви. Примеров такого рода приходов много в крупных городах, последнее время такая практика распространяется на провинциальные единицы и в сельскую местность.

Особо следует упомянуть экономическую сферу жизни общества, в которой адаптируются церковные структуры, потому что церковная деятельность имеет (хотя и весьма скромное) экономическое измерение. Экономические реформы в России в 1990-е годы проходили под влиянием убеждения в том, что рыночная экономика является универсальным средством решения социальных проблем. Достаточно предоставить свободу производить и торговать, как конкурентные отношения сами собой сделают наше общество богатым и процветающим. Между тем, Патриарх Алексий II уже в самом начале 1990-х годов в своих обращениях предупреждал, что построение рыночной экономики без твердой нравственной основы

неспособно обеспечить обществу процветания. Поэтому уже в первые годы XXI в. представителями Церкви был поставлен вопрос о том, не является ли безнравственность одной из основных причин кризисных явлений в экономике. В соответствии с этим представить религиозные основания для экономической этики был призван «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», принятый на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора 4 февраля 2004 года. Религиозно-общественная организация Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС) является крупнейшим Российским общественным форумом. Он существует с 1993 года и играет немалую роль в формировании гражданского общества России. В его заседаниях традиционно принимают участие представители всех ветвей власти, лидеры общественных объединений, высшее духовенство традиционных религий России, преподаватели и студенты крупнейших учебных заведений страны, деятели науки и культуры, делегаты русских общин из ближнего и дальнего зарубежья, многочисленные представители молодежи.

Свод нравственных принципов и правил предложил некоторый ценностный идеал, который, по мысли составителей, должны стремиться воплотить хозяйствующие субъекты. При этом составители считали его, скорее, нормативом, чем реальным регулятором, призывая, однако, общество последовать этому идеалу: «Возможно, реальность еще долго не будет соответствовать данному документу. Но нельзя заранее говорить, что цель следования ему недостижима, ибо в стремлении к чистой совести и достойной жизни человек с помощью Божией может пройти сколь угодно трудными путями, даже если дело касается такой непростой сферы человеческого бытия, как экономика»[15].

Приведенные в «Своде» десять правил не исчерпывают всё многообразие экономической культуры, хотя дают определенные ориентиры для тех направлений, в которых, прежде всего следует оздоравливать наше общество. Поэтому в завершение «Свода нравственных принципов и правил в хозяйствовании» в документе говорится: «Состояние экономики напрямую зависит от духовного,

нравственного состояния личности. Лишь человек с добрым сердцем и светлым умом, духовно зрелый, трудолюбивый и ответственный, – сможет обеспечить себя, принося пользу своим ближним и своему народу. Пусть так будет в России, вступившей в XXI век» [15].

О результатах, которые принес или не принес данный свод в сфере экономической культуры, говорить, вероятно, можно на основании специальных исследований. Но само принятие этого документа в качестве важной постановки вопроса демонстрирует стремление Церкви влиять на моральные основания культуры.

Важным вопросом для церковной адаптации является сфера вопросов, связанная с новыми реалиями медицины и биоэтики. Несмотря на произошедшие секуляризационные преобразования, мировоззренческие аспекты современной медицины и этика благотворительности до сих пор считаются традиционными сферами, связанными с религиозным регулированием. Но конец XX в. – начало XXI в. ознаменованы быстрым прорывом в области медицинских и биотехнологий, который вызвал подвижки в понимании вопросов возможного и допустимого в биоэтике. Вакцины, антибиотики, другие новые медикаменты позволили победить считавшиеся неизлечимыми ранее заболевания; в хирургии выполняются операции, казавшиеся ранее невозможными; медицина всё активнее применяет биотехнологии и достижения генной инженерии. Но эти новые открывшиеся возможности вызвали новые трудности: пересадка органов, клонирование, использование стволовых клеток – всё это ставит новые проблемы этического характера.

В области этических принципов в очерченной сфере можно выделить некоторое основание, из которого исходили церковные авторы, формулируя свое отношение к широкому кругу биомедицинских проблем: представление о жизни как даре Божиим, о свободе человека. Эти положения входят в богословское представление «о богоподобном достоинстве человеческой личности». Как пишет митр. Иларион (Алфеев), «... тема образа и подобия Божьего – одна из центральных в христианской антропологии: в большей или меньшей степени ее пытались раскрыть все древнецерковные писатели». Таким образом,

церковное представление о биоэтических вопросах исходит из того, что в человеческом теле проявляется духовная природа.

Исходя из этого, церковные авторы выразили резко отрицательное отношение к абортam, а также к попыткам клонирования человека, эвтаназии, фетальной терапии (основанной на изъятии тканей зародыша). Эти манипуляции с человеком являются для церковного сознания запрещенными. Двойственное отношение выражено к таким новым явлениям, как искусственное оплодотворение, генетическая диагностика плода, трансплантация. Они рассматриваются как относительно приемлемые при определенных условиях: например, искусственное оплодотворение признается в целом приемлемым в случае, если материал берется от мужа и жены, состоящих в браке, и не уничтожаются «избыточные» эмбрионы. Генетическая диагностика допускается в отсутствии цели искусственного прерывания беременности, а трансплантация – при целом ряде ограничивающих условий [9]. Таким образом, новые технологии осуждаются не сами по себе, но в связи с базовыми этическими принципами.

Это подтверждается отношением к так называемому суррогатному материнству, то есть вынашиванию оплодотворенной яйцеклетки женщиной, которая после родов возвращает ребенка «заказчиком». Церковь осуждает суррогатное материнство, поскольку это противостоит естественному не в биологическом смысле, но, прежде всего, морально недопустимо даже в тех случаях, когда осуществляется на некоммерческой основе. «Эта методика предполагает разрушение глубокой эмоциональной и духовной близости, устанавливающейся между матерью и младенцем уже во время беременности», – говорится в «Основах социальной концепции...». Далее подчеркивается, что «...«суррогатное материнство» травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя, которое впоследствии может испытывать кризис самосознания» [9]. Таким образом, в концепции говорится не о запрещении биологического вмешательства, но именно о нравственных последствиях такого шага.

В области геной инженерии позиция Церкви является негативной по отношению к изменению наследственности человека именно по

причине опасности такого шага. Таким образом, здесь высказывается озабоченность возможными негативными последствиями самого биологического вмешательства. Ожидаемо совершенно негативно с этической точки зрения была оценена эвтаназия. Практика эвтаназии, как было указано в «Основах социальной концепции...», совершенно неприемлема для церковного христианского сознания. И здесь также были подчеркнуты негативные социальные последствия эвтаназии. Было высказано опасение, что «можно» в отношении эвтаназии может легко превратиться в «нужно». А также отмечено, что профессия врача несовместима с убийством, в том числе «узаконенным» [9]. Острые биоэтические вопросы обсуждаются до сих пор, в том числе в связи с пандемией коронавируса и другими вызовами.

Третья важная область влияния Церкви на динамику современной культуры в области духовных оснований российского общества – понятие человеческой личности, ее прав и свобод. Понятие личности в социальной сфере тесно связано с вопросом о правах и свободах человека. 6 апреля 2006 г. в Москве состоялся X Всемирный Русский Народный Собор. Главным документом, принятым на Соборе, была Декларация о правах и достоинстве человека [3]. В этой декларации был подвергнут критическому рассмотрению один из важнейших принципов современного общества – права человека. В XX веке этот принцип стал своеобразной «визитной карточкой» западной цивилизации.

Декларация не отвергает этот принцип; вместе с тем, ее целью была критика понимания прав и свобод человека как высшей ценности. Декларация опиралась на представление о самобытности русской цивилизации, которая, как утверждается в документе, сохранила связь с духовным наследием православия и призвана показать, что свобода – это не самодовлеющая ценность, а условие для осуществления в мире добра и красоты. Поэтому, утверждается в тексте, ценность и достоинство личности не в том, что личность свободна, а в том, что свобода может помочь личности реализоваться в добре.

Документ разделяет достоинство личности и ее ценность. Всякая личность ценна, утверждает Собор, так как «...человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она

должна уважаться каждым из нас, обществом и государством. Совершая добро, личность приобретает достоинство. Таким образом, мы различаем ценность и достоинство личности. Ценность – это то, что дано, достоинство – это то, что приобретается». Понятие прав и свобод, таким образом, увязывается с понятием о достоинстве личности.

Достоинство связано с добром – это приводит к необходимости различить, что в деяниях человека направлено на добро, а что на зло. Декларация исходит из того, что, взятый сам по себе, изолированно, принцип свободы не дает критериев для различения аксиологических категорий. Такие критерии, в соответствии с христианскими представлениями, заложены в нравственном законе, который отождествляется с голосом совести, а в религиозной перспективе – с Законом Божиим. Поэтому, как отмечает Собор, «...различению добра и зла призвана содействовать религиозная традиция, имеющая своим Первоисточником Бога». Вопрос о том, имеет ли человек некие права, тесно связан с этическим вопросом о путях реализации человеком своей свободы, то есть с нравственностью. «Вечный нравственный закон имеет в душе человека твердую основу, не зависящую от культуры, национальности, жизненных обстоятельств», – говорится в Декларации [3].

В Декларации также отмечается, что эта основа заложена Творцом. По какой причине подчеркивается религиозная основа нравственности? По причине противостояния секуляризму. Начиная с эпохи Просвещения, секулярная мысль старалась заменить религиозную основу нравственности какими-либо человеческими принципами, основанными на разуме (Кант), удовольствии (Бентам), прагматизме (Эмерсон, Джемс) и др. С точки зрения религиозного сознания, эти принципы не самодостаточны для формирования нравственности, так как каждый из этих принципов действен, только когда им пользуется нравственно здоровый человек, воспитанный, как правило, на определенных религиозных традициях. В ином случае, когда человек теряет нравственную опору, любой из этих независимых от высших ценностей, придуманных человеком принципов нравствен-

ности, как считают религиозные мыслители, способен оправдать безнравственные поступки, либо, как, например, категорический императив Канта, будет неприменим к реальной жизни [7].

Поэтому для церковного сознания свобода человека – это, прежде всего, внутренняя свобода в добре, а внешняя политическая свобода является условием для проявления внутренней свободы человека. Потому что, даже если внешняя политическая свобода ограничена условиями жизни: болезнью, природными условиями или даже тираническим режимом, это обстоятельство не может сделать человека злым, принудительно заставить быть безнравственным. Церковная история знает примеры того, как в суровых жизненных обстоятельствах верующие являли пример добра и даже шли на смерть ради утверждения нравственных принципов.

Поэтому, с точки зрения Декларации, было бы неверным ставить политическую свободу условием добра: политическая свобода приводит к умножению добра в нравственно здоровом обществе. Поэтому борьба за права человека, по мнению составителей документа, должна сопровождаться усилиями по нравственному оздоровлению общества, иначе политическая свобода не приведет к желаемым результатам.

В декларации отмечается, что «Права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Именно поэтому содержание прав человека не может не быть связано с нравственностью. Отрыв этих прав от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства не бывает» [3].

Декларация утверждает, что в секулярном сознании происходит абсолютизация прав и свобод человека, при этом результатом становится подмена ими добра, правды и красоты. «Мы – за право на жизнь и против «права» на смерть, за право на созидание и против «права» на разрушение», – провозглашает Декларация: «В этом свете нами уважаются не только гражданские, политические права и свободы, но также социальные, экономические и культурные права» [3].

Значит ли это, что Православная Церковь выступила за ограничение прав и свобод? С точки зрения этого учения – нет. Русская Православная Церковь в годы советской власти пережила тяжкие времена государственного давления и преследований со стороны атеистической власти. Память об этом еще жива в церковном сознании. Причина появления этой Декларации в том, что сейчас «маятник» социальной жизни качнулся в сторону (с точки зрения христианской нравственности) вседозволенности и зла. Поэтому, когда Церковь выступает за создание средств общественного контроля за средствами массовой информации, это, с точки зрения верующих людей, обусловлено заботой о сохранении общества. Как говорится в Декларации, «...права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества» [3].

Декларация предлагает не только критику принципа прав человека, но старается создать ей идейную альтернативу. Для этого в документе говорится о ценностях, приоритетных перед ценностями внешней свободы: «Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святости, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святых, угрожало бы существованию Отечества» [3]. Декларация считает, что «изобретение» некоторых новых прав (в частности, нетрадиционных прав), а тем более навязывание их обществу недопустимо.

Такая диалектическая позиция в отношении прав человека не всегда находит понимание у светского общества. Так, К. Штекль в статье «Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека» утверждает, что «...консервативная точка зрения на права человека плавно перешла в поддержку Церковью авторитарного

политического проекта» [22]. Вместе с тем, Альфонс Брюнинг, в свою очередь, указывает на то, что в ситуации незавершенности обсуждения этого вопроса между Востоком и Западом открываются перспективы диалога о достоинстве и правах человека между восточным и западным христианством. Это показывает, что Декларация затронула чрезвычайно актуальные вопросы, касающиеся ценностей современной культуры. И эти вопросы являются важным аспектом взаимодействия Церкви и секулярных кругов в пространстве культуры.

Одним из примеров церковной деятельности в новых условиях является деятельность РПЦ в области милосердия и благотворительности. Эта деятельность была полностью запрещена для церковных структур в советское время. Так в 80-е годы XX в. разрешались лишь взносы в «Советский фонд мира». Все остальные формы благотворительности были возможны только в частном порядке. В девяностых годах прошлого столетия в Русской Православной Церкви начался процесс возрождения деятельности в области милосердия, социальной помощи и благотворительного служения. На самом высоком уровне были сформированы соответствующие структуры, местные религиозные организации также включились в эту деятельность [17].

В настоящее время около трех тысяч проектов продуцируются Русской Православной Церковью в пространстве страны. Когда требуется, оказывается поддержка оказавшимся в трудной жизненной ситуации, без крова и жилища, тем, кто нуждается в поддержке в результате чрезвычайных происшествий, военных конфликтов и другим нуждающимся. Работники местных приходских организаций готовятся по специальным программам, для того, чтобы они могли оказывать помощь наиболее эффективным образом. Ныне эта работа курируется епископом Верейским Пантелеимоном (Шатовым) (Сайт отдела www.diaconia.ru).

В то же время, функционируют масштабные волонтерские проекты, не являющиеся непосредственно управляемыми церковными структурами.

Так, служба помощи «Милосердие» функционирует на волонтерской основе. В 23 проектах оказывается помощь интернатам,

детям-инвалидам, бездомным, больницам, матерям-одиночкам (сайт <https://www.miloserdie.ru/friends/>).

Успешная деятельность развита добровольческим движением «Даниловцы», возникшем при Даниловом монастыре как молодежное объединение. Движение организует работу десятков волонтерских групп в больницах и сиротских учреждениях, а также работает с инвалидами, многодетными семьями, стариками, бездомными, заключенными (сайт <http://www.danilovcy.ru/>).

Волонтерская организация «Предание» вначале продуцировалась как безвозмездное электронное хранилище религиозного контента. Позднее креативные создатели хранилища сформировали фонд, занимающийся волонтерскими проектами. В результате к 2019 г. фонд занимался десятком процедур в рамках которых вели подопечных, собирая бюджет свыше семидесяти миллионов рублей в год (сайт www.predanie.ru). Организация аккумулирует усилия православных людей и носит лаический характер.

Определенный систематический труд осуществляет организация «Православие и мир», начавшая работу семь лет назад при одноименном сайте «Православие и мир». Фонд осуществляет поддержку при различных заболеваниях, а также в ювенальных случаях семьям с большим количеством детей (сайт <http://fond.pravmir.ru/>).

В Новосибирской митрополии, как могут наблюдать сами авторы, есть возможность увидеть волонтерские и благотворительные усилия православных людей. Так еще в начале XXI века был создан Отдел по социальному служению и благотворительности. Он координировал усилия по вспомоществованию людям, оставшимся без крова, есть работа по реабилитации людей, вышедших их мест заключения или оказывается духовная помощь находящимся в местах лишения свободы. Ведется работа по реабилитации наркозависимых, проводится работа в рамках поезда и корабля, осуществляющих культурную, миссионерскую и социальную работу, более полутора десятков центров-сестричеств милосердия. Большим проектом является епархиальный дом милосердия – строящееся социально-медицинское учреждение интенсивного ухода (сайт <https://dmnsk.ru/>).

Кроме благотворительной Православной Церковью в России и в странах СНГ осуществляется работа с заключенными. Эта деятельность требует особых навыков от священнослужителей и мирян, занимающихся тюремным служением. Как отмечает прот. О. Скоморох, «...настоящий тюремный миссионер продолжает свой труд и тогда, когда посеянное благовестием семя в данную ему для возделывания почву не дает видимых всходов и не обещает скорых плодов» [18, с. 195] Работу с заключенными курирует Синодальный Отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. В Новосибирской митрополии также функционирует один из старейших в современной России отдел по тюремному служению, который возглавляет игумен Владимир (Соколов). Отдел руководит окормлением 16 исправительных учреждений, в 13 из них имеется храм или молитвенная комната. В настоящее время эта работа в основном проводится священнослужителями, поскольку основное ее содержание составляет пастырская деятельность.

Нередко в обществе возникает вопрос об источниках финансирования благотворительной деятельности. Основным источником являются пожертвования и благотворительность. Грантовая поддержка церковной благотворительности не является приоритетной для государственных фондов. Хотя на сайте «Отдела по церковной благотворительности и социальному служению» имеется страница с перечислением различных конкурсов, в которых участвовали или могут принять участие церковные благотворительные проекты (сайт <https://www.diaconia.ru/grants>). В их числе перечислены негосударственные фонды. В частности на странице указан фонд «Православная инициатива» (ныне «Соработничество»), который оказывает грантовую поддержку православным проектам (в 2017 г. на 115 млн р. в год). (Сайт pravkonkurs.ru/). В целом следует отметить недостаточную изученность в открытой научной литературе вопроса о финансировании деятельности благотворительных религиозных проектов.

Из вышеописанного можно сделать предварительный вывод о том, что с постперестроечного периода Церковь вышла в публичное

пространство. Происходит модификация российской культурной секулярности, которая теперь подразумевает, что Церковь – полноправный участник социальной работы, что служит основой для консенсуса общества, Церкви и государства.

Некоторые итоги трансформации

В настоящее время Церковью предпринимаются различные шаги в направлении диалога с обществом. Так, были предприняты усилия по формированию общенациональных памятных дат, таких, как День крещения Руси (28 июля), праздника Дня славянской письменности и культуры (24 мая). Чрезвычайно успешным оказались попытки создания общероссийского светского праздника, которым стал День семьи, любви и верности (8 июля), связанный для Церкви с памятью свв. Петра и Февронии Муромских. В настоящее время продолжают прилагаться усилия по расширению круга подобных праздников: так, 13 июля 2015 г. был установлен совместный день празднования памяти святых благоверных князя Димитрия Донского и княгини Евдокии – 1 июня (19 мая ст.ст.). Как отмечается в Журнале Священного Синода, «Святые Димитрий и Евдокия были родителями двенадцати детей, а жизнь их, как отмечают летописные свидетельства, была примером супружеской верности и согласия» [6]. Следует отметить, что по-настоящему народным стал именно День семьи, любви и верности [5], по всей видимости, отвечающий запросам широких слоев российского общества.

Вместе с тем ВЦИОМ в 2015 г. зафиксировала тревожную для Церкви ситуацию, когда в целом среди невоцерковленных людей снизился первоначальный энтузиазм по отношению к ее деятельности. Это отразило ситуацию несколько завышенных ожиданий. В последнем десятилетии XX века более половины опрошенных считало, что рост религиозности «пойдет на пользу обществу в целом», то в 2015 г. только 36%. По отношению к самим себе пользу от приобщения к религии отметили треть опрошенных, по сравнению с 40% в прошлом столетии.

Многие стали говорить о негативном эффекте от распространения религиозности. В последнем десятилетии XX века так считало

подавляющее меньшинство в 5% опрошенных, к 2015 году таковых стало уже более 20%.

Одним из актуальных вопросов становится строительство и открытие религиозных зданий в шаговой доступности в новых районах расселения. В них, как правило, отсутствуют религиозные здания или молельные дома. К их новому размещению вблизи от жилья отвечающие относятся одобрительно, если это здание принадлежит к конфессии, связанной с их религиозной самоидентификацией (около половины опрошенных). Но когда речь заходит об объекте, принадлежащем иной религии, то положительно готова это воспринять только пятая часть [13].

При этом роль религии в своей повседневной жизни в наши дни оценивают значительно выше, нежели в 1990 г.: за четверть века доля тех, кто признает, что вера поддерживает их в определенных ситуациях, выросла более чем в 2 раза: с 23% до 55% (однако среди неверующих таковых существенно меньше – 15%). И, одновременно, стало меньше тех, кто не может вспомнить случаев, когда бы религия помогла им в жизни: с 55% до 39%.

Последние опросы ФОМ показывают, что 22% респондентов считают, что Церковь часто вмешивается в те сферы общественной жизни, в которые вмешиваться не должна. По крайней мере, 25% из них затруднились конкретизировать примерами такое вмешательство. С заинтересованными лицами из этой группы требуется плодотворный диалог для снятия возможных недоумений. Так, например, возможно обсуждение темы присутствия религиозных символов в публичном пространстве на основе сравнения с практиками в иных странах. Подобные обсуждения способны смягчить острые моменты во взаимоотношениях со светским обществом. Вместе с тем, более половины россиян доверяют Русской Православной Церкви и около 40% – Патриарху Кириллу. Данные от 8.05.2020 говорят о том, что число тех, кто хотел бы увеличения влияния Церкви на власть, выросло по сравнению с 2019 г. на 2 процентных пункта [8]. Наше исследование не ставит целью анализ церковно-государственных отношений, но этот параметр показывает, что, несмотря на неко-

торое снижение уровня доверия к Церкви, в целом постсекулярная ситуация включает в себя устойчиво высокий уровень доверия и относительного влияния Церкви на публичную культурную жизнь. В целом, современный российский социум готов к дальнейшему сосуществованию с Церковью в рамках постсекулярного общества и культуры.

Выводы

В результате продуцирования новых форм культурной активности, которые требуют легитимации в публичном культурном пространстве, светскость и религия до настоящего времени находятся в поисках «перекрывающегося консенсуса» на основе вырабатываемых компромиссных правил, учитывающих возрождение традиционных религий. Жизнеспособная концепция в условиях широкой адаптационной активности, с одной стороны, не подразумевает выполнение Церковью государственных функций, но с другой – не подразумевает пребывание только в приватном культурном пространстве. Церковь в той или иной форме включена в пространство гражданского диалога, нуждаясь в институциональном фундировании своей культурной функциональности в форме признания ее фундаментального характера (наряду с другими конфессиями) для традиционных основ отечественной культуры.

В качестве общего вывода можно сказать, что успешная социальная и культурная деятельность Церкви в области укрепления семьи и нравственности, образовательная деятельность, деятельность в области милосердия и благотворительности являются почвой успешного всестороннего диалога Церкви и светского общества как одной из основ стабильного и устойчивого развития России в XXI в.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. - 288 с.
2. В Екатеринбурге начался суд по иску правозащитника к Церкви [Электронный ресурс] // Политсовет [сайт] 2008. URL: <http://politsovnet.ru/24334-.html> (Дата обращения: 20.10.2022).

3. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (Дата обращения: 20.12.2022).
4. Дело Рыно-Скачевского. Десять лет за ненависть // Российская газета. 2010. 9 апр. № 5154 (75).
5. День семьи, любви и верности [Электронный ресурс] // Российская газета [сайт] 08.07.2015. URL: <http://www.rg.ru/sujet/3834/> (Дата обращения: 20.12.2022).
6. Журнал № 49 заседания Священного Синода от 13 июля 2015 года. [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата [сайт] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4158601.html> (Дата обращения: 20.12.2022).
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики. М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
8. О влиянии РПЦ на разные сферы жизни страны. [Электронный ресурс] // ФОМ.РУ [сайт] URL: <https://fom.ru/TSennosti/14371> (Дата обращения: 27.11.2022)
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (Дата обращения: 20.12.2022).
10. Отказаться от установления платы за требы в храмах призвал Патриарх Алексей [Электронный ресурс] // ПРАВОСЛАВИЕ.RU [сайт] 2005. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/12358.htm> (Дата обращения: 22.10.2022)
11. Политика РПЦ: Консолидация или развал страны? [Электронный ресурс] // Новая газета. Приложение «Кентавр» [сайт] 22.07.2007. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=55762> (Дата обращения: 20.10.2022)
12. Посадский А. В. Религиозная жизнь студенческой молодежи России в контексте современных зарубежных исследований и стратегические перспективы развития духовного просвещения в России // Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии. СПб., 2005. Вып. 5. С. 89–97).

13. Религия за и против (Аналитический обзор) // ВЦИОМ-новости. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-za-i-protiv>. (Дата обращения: 27.11.2022)
14. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 2002. – 275 с.
15. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: Архив официального сайта Московского Патриархата [сайт] 1997-2009. URL: <https://mospat.ru/archive/page/church-and-society/30427.html> (Дата обращения: 20.12.2022).
16. Синелина Ю. Ю. Циклический характер процесса секуляризации в России (Социологический анализ: конец XVII – начало XXI века): автореферат дис. ... д-ра соц. наук. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2009. 55 с.
17. Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению (официальная информация). // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/65944.html> (Дата обращения: 20.12.2022).
18. Скоморох О., прот., Пономарева Н. В. Тюремное служение Русской Православной Церкви. М.: Синодальный Отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, 2009. – 575 с.
19. Тейлор Ч. Что такое светскость? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 218–253.
20. Фаустова М. В России недосчитались верующих // [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460_opros.html
21. Цыплаков Д. А. Российская постсекулярность: специфика изучения // Российский гуманитарный журнал. 2017. Том 6. № 3. С. 242–252.
22. Штекль К. Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 146–165

References

1. Anderson B. Voobrazhaemy`e soobshhestva. M.: Kanon-Press-Cz, Kuchkovo pole, 2001. - 288 s.
2. V Ekaterinburge nachalsya sud po isku pravozashhitnika k Cerkvi [E`lektronny`j resurs] // Politsovet [sajt] 2008. URL: <http://politsovet.ru/24334-.html> (Data obrashheniya: 20.10.2022)
3. Deklaraciya o pravax i dostoinstve cheloveka X Vsemirnogo Russkogo Narodnogo Sobora // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov` : oficial`ny`j sayt Moskovskogo Patriarxata [sajt]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (Data obrashheniya: 20.12.2022).
4. Delo Ry`no-Skachevskogo. Desyat` let za nenavist` // Rossijskaya gazeta. 2010. 9 apr. № 5154 (75).
5. Den` sem`i, lyubvi i vernosti [E`lektronny`j resurs] // Rossijskaya gazeta [sajt] 08.07.2015. URL: <http://www.rg.ru/sujet/3834/> (Data obrashheniya: 20.12.2022).
6. Zhurnal № 49 zasedaniya Svyashhennogo Sinoda ot 13 iyulya 2015 goda. [E`lektronny`j resurs] // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov` : Oficial`ny`j sayt Moskovskogo Patriarxata [sajt] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4158601.html> (Data obrashheniya: 20.12.2022).
7. Losskij N. O. Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy` e` tiki. M.: Politizdat, 1991. – 368 c.
8. O vliyanii RPCz na razny`e sfery` zhizni strany`. [E`lektronny`j resurs] // FOM.RU [sajt] URL: <https://fom.ru/TSennosti/14371> (Data obrashheniya: 27.11.2022)
9. OSNOVY` SOCIAL`NOJ KONCEPCII Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [E`lektronny`j resurs] // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov` : oficial`ny`j sayt Moskovskogo Patriarxata [sajt]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (Data obrashheniya: 20.12.2022).
10. Otkazat`sya ot ustanovleniya platy` za treby` v xramax prizval Patriarx Aleksij [E`lektronny`j resurs] // PRAVOSLAVIE.RU [sajt] 2005. URL: <http://www.pравoslavie.ru/jurnal/12358.htm> (Data obrashheniya: 22.10.2022)
11. Politika RPCz: Konsolidaciya ili razval strany`? [E`lektronny`j resurs] // Novaya gazeta. Prilozhenie «Kentavr» [sajt] 22.07.2007. URL: <http://>

- www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=55762 (Data obrashheniya: 20.10.2022)
12. Posadskij A. V. Religioznaya zhizn` studencheskoj molodezhi Rossii v kontekste sovremenny`x zarubezhny`x issledovanij i strategicheskie perspektivy` razvitiya duxovnogo prosveshheniya v Rossii // Religioznaya situaciya na Severo-Zapade Rossii i v stranax Baltii. SPb., 2005. Vy`p. 5. S. 89–97).
 13. Religiya za i protiv (Analiticheskij obzor) // VCIOM-novosti. [E`lektronny`j resurs] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-za-i-protiv>. (Data obrashheniya: 27.11.2022)
 14. Romm M. V. Adaptaciya lichnosti v sociume: teoretiko-metodologicheskij aspekt. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel`skaya firma RAN, 2002. – 275 s.
 15. Svod npravstvenny`x principov i pravil v xozyajstvovanii [E`lektronny`j resurs] // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov`: Arxiv oficial`nogo sajta Moskovskogo Patriarxata [sajt] 1997-2009. URL: <https://mospat.ru/archive/page/church-and-society/30427.html> (Data obrashheniya: 20.12.2022).
 16. Sinelina Yu. Yu. Ciklicheskij xarakter processa sekulyarizacii v Rossii (Sociologicheskij analiz: konecz XVII – nachalo XXI veka): avtoreferat dis. ... d-ra socz. nauk. M.: Institut social`no-politicheskix issledovanij RAN, 2009. 55 s.
 17. Sinodal`ny`j otdel po cerkovnoj blagotvoritel`nosti i social`nomu sluzheniyu (oficial`naya informaciya). // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov`: oficial`ny`j sayt Moskovskogo Patriarxata [sajt]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/65944.html> (Data obrashheniya: 20.12.2022).
 18. Skomorox O., prot., Ponomareva N. V. Tyuremnoe sluzhenie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. M.: Sinodal`ny`j Otdel Moskovskogo Patriarxata po vzaimodejstviyu s Vooruzhenny`mi Silami i pravooxranitel`ny`mi uchrezhdeniyami, 2009. – 575 s.
 19. Tejlor Ch. Chto takoe svetskost`? // Gosudarstvo, religiya, cerkov` v Rossii i za rubezhom. 2015. № 1. S. 218–253.
 20. Faustova M. V Rossii nedoschitalis` veruyushhix // [E`lektronny`j resurs] URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460_opros.html
 21. Tsyplakov D. A. Rossijskaya postsekulyarnost`: specifika izucheniya // Rossijskij gumanitarny`j zhurnal. 2017. Tom 6. № 3. S. 242–252.

22. Stoeckl K. Podhod Russkoj pravoslavnoj cerkvi k voprosu prav cheloveka // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2014. № 3. S. 146–165

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Цыплаков Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии НГУ; проректор по научной работе НПДС

Новосибирский национальный государственный исследовательский университет; Новосибирская православная духовная семинария

ул. Пирогова, 1, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090, Российская Федерация; ул. Военный городок, 127, г. Обь, Новосибирская обл., 633103, Российская Федерация
tsypl@ngs.ru

Цыплакова Светлана Михайльвна, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурной и библиотечной деятельности ИКИМП НГПУ; доцент НПДС

Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирская православная духовная семинария

ул. Виллойская, 28, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630126, Российская Федерация; ул. Военный городок, 127, г. Обь, Новосибирская обл., 633103, Российская Федерация
nikitinats@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dmitry A. Tsyplakov, Ph. D. in Philosophy, Assistant Professor, Department of Philosophy; vice-rector for scientific work

Novosibirsk State University; Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

1, Pirogova Str., Novosibirsk, Novosibirsk Region, 630090, Russian Federation; 127, Voenny gorodok Str., Ob, Novosibirsk region, 633103, Russian Federation

tsypl@ngs.ru

SPIN-code:

7799-3673

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4015-5739>

Svetlana M. Tsyplakova, Ph. D. in Cultural Studies, Assistant Professor
*Novosibirsk State Pedagogical University; Novosibirsk Orthodox
Theological Seminary*

*28, Viluiskaya Str., Novosibirsk, Novosibirsk Region, 630126,
Russian Federation; 127, Voenny gorodok Str., Ob, Novosibirsk
region, 633103, Russian Federation*

nikitinats@yandex.ru

SPIN-code: 4500-4473

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9590-7032>

Поступила 01.12.2022

После рецензирования 18.12.2022

Принята 25.12.2022

Received 01.12.2022

Revised 18.12.2022

Accepted 25.12.2022